

Наверное, я одна из немногих, кому посчастливилось попасть в Центральный дом работников искусств сразу после школы. Пришла устраиваться в ЦДРИ на работу, ибо поступила на вечернее отделение журфака МГУ (на дневное попасть было нереально), а по тем временам студентам-вечерникам надо было обязательно где-то работать. Это происходило в середине 70-х годов прошлого века. Директор ЦДРИ, В. Г. Тарасов, с радостью взял меня на должность секретаря: они на этом месте менялись, как перчатки: никто больше трёх месяцев не задерживался, а тут появлялась надежда — проработаю до конца учёбы... Сидела я в старом здании, в приёмной, среди зеркал и огромных стеклянных шкафов с подарками Дому (за что это место острословы быстро окрестили «будуаром») и внимательно наблюдала за происходящим, как истинный журналист. Должность

моя называлась претенциозно: «зав. столом личного состава», по сути — секретарь и зав. отделом кадров в одном флаконе. Утром я с благоговением поднималась по ажурной чугунной лестнице мимо венецианских зеркал и портретов великих артистов в свой «будуар» и тут... начиналось священнодействие!

Рабочий день в ЦДРИ похож на нескончаемый спектакль: мастера искусств приходили репетировать и обсуждать с дирекцией предстоящие творческие вечера, работники ЦДРИ придумывали, как эти вечера устраивать на высшем уровне, попутно у кого-то наступали дни рождения и юбилеи — тут надо позаботиться о шуточном поздравлении или капустнике (они, к слову, были настоящей визитной карточкой коллектива). Гриша Берман — балагур и приколист, отвечавший за печатание роскошных пригласительных билетов, постоянно носился с их

С Максимом Галкиным

эскизами из кабинета в кабинет, по пути успевая рассказать пару свежих анекдотов и десяток чужих секретов. Заведующая Бюро обслуживания — Нина Семёновна Галендеева, заглядывая с пачкой пригласительных билетов подмышкой к зам. директора Разниковскому, смерив грозным взором присутствующих в приёмной, наводила на всех ужас неприступностью... Завхоз Кира Николаевна следила за чистотой с таким рвением, что пыль в ЦДРИ можно было увидеть только под микроскопом. Весь день в биллиардной шли азартные бои между такими знаменитостями, водить знакомство с которыми считали за честь ведущие антрепренёры мира. Выигрывали с переменным успехом: то Кирилл Кондрашин, то Игорь Моисеев, то Иван Петров, выигравший вёл всю честную кампанию в ресторан «Три подковы» на обед...

Ресторан этот заслуживает особого рассказа! Ностальгией по нему мучается не одно поколение работников искусств. Обеденные столы располагались здесь в оригинальных

стойлах, украшенных лошадиной упряжью (даром, что ли, «Три подковы»!), а шеф-повар — звали его Лёва Аракчеев — славился на всю Москву своей кухней (потом, кстати, его переманил ресторан «Пекин»). Обеды для сотрудников ЦДРИ стоили сущие копейки, но были незабываемо вкусны. К тому же по праздникам нам в ресторане выдавали заказы, в них можно было найти редкие по тем временам деликатесы: венгерскую салями или баночку крабов...

А какие должности значились в штатном расписании ЦДРИ! Сейчас таких в учреждениях культуры и не встретишь! У нас в штате был садовник, ухаживавший за цветами и кормивший рыбок в аквариумах закрытого кафе «Кукушка». В биллиардной работал, как и положено, маркёр. А аккуратно возле приёмной располагался «гардероб правления», обслуживаемый соответствующим гардеробщиком! Вернее, гардеробщицей, и звали её Софья Адамовна. И поскольку наши народные артисты СССР традиционно одевались в тяжёлые — до пят — шубы, ей, бедной, приходилось ой как нелегко! Приедут на вечер, бывало, Михаил Царёв с Иваном Любезновым, их надобно раздеть и одеть. И калоши снять, и щёткой пиджак почистить...

ЦДРИ в те времена славился на всю Москву политинформациями, на которые загонялись работники искусств — для ознакомления с политической обстановкой в мире. А как же — они же находились, как считалось, «наверху», на передо-

вом идеологическом фронте... А следовательно, должны были быть политически грамотными людьми. Помню, сколько сил тратила зав. политмассовой секцией Людмила Васильевна Бунина и же с ней на обзвон членов Правления и уговоры обязательно быть на политинформации. Вёл её обычно политолог Яков Шрайбман. Зал обычно был полон. Присутствующие переполнены важностью мероприятия, говорили шёпотом, вели себя подчеркнуто строго. В 70-е годы ЦДРИ стал стартовой площадкой для молодых и талантливых артистов, быстро набиравших обороты в профессии. В коллективе «Первый шаг» начинал творческий путь Геннадий Хазанов. Лена Камбурова, Жанна Бичевская собирали в ЦДРИ полные залы. В Доме постоянно что-нибудь происходило. То приедет с международного конкурса победителем Давид Ойстрах, то Святослав Рихтер или Эмиль Гилельс заглянут в Голубую гостиную порепетировать. То прибежит ко мне молодая гардеробщица (тоже студентка): «Там Фурцева приехала, а с ней — Роберт Рождественский, Кобзон и Женя Евтушенко. На Женьке тааакая шуба из горноста — до пола! Он её из Америки привёз! Они сейчас пойдут в «Кукушку» пировать. Пойдём посмотрим!» А мне свой пост — между двух кабинетов, директора и его зама — покидать, ну, никак нельзя... Но шубу-то евтушенковскую я всё-таки краем глаза увидела... То заглянет (уже по пути из «Кукушки») Руфина Нифонтова — с рассказом о том,

как Фурцева с актёрами принимала самого Рокфеллера и как Олег Даль, демонстрируя удаль, пил на приёме шампанское из её, Руфины, туфельки!.. То вдруг, наполняя приёмную энергетикой, явится сам Иван Семёнович Козловский и, перекрестившись, затащит неповторимым тенором: «Я помню чудное мгновенье»... Или Георгий Вицин в ожидании директора примется неожиданно выступать в роли Сάхара, изображая, как он ломает пальцы, чтобы угостить детишек сладким, — только что придя с репетиции «Синей птицы»... Мне порой приходилось быть не только секретарём, но и играть роль внимательного слушателя, а то и душе-спасительной «жилетки»: поскольку наша приёмная, она же «будуар», была ещё и исповедальней. Каких только историй — умопомрачительных и нереальных — мне не приходилось выслушивать! С уверенностью могу сказать: это была настоящая школа жизни и воспитания чувств. В коллективе царила дружеская атмосфера, витал творческий дух!

С Владимиром Войновичем

В октябре 1973 года в Москве состоялся всемирный Конгресс миролюбивых сил, в ЦДРИ проходила одна из секций конгресса, и выступать на ней должен был САМ Леонид Ильич Брежнев! Что тут началось!!! За два месяца сотрудниками КГБ проводилась проверка всех работников на лояльность и тщательный инструктаж всех служб Дома. Всех неблагонадежных (по мнению КГБ) заставили уволить или отправить в отпуск. На меня легла большая нагрузка по подготовке документов. Именно тогда я дала себе зарок: никогда больше не работать в отделе кадров!

В день, когда должен был приехать Брежнев, Дом наводнили десятки людей в штатском. Только в приёмной расселись человек семь. Я сидела под пристальными взглядами ответственных работников, и сказать, что мне было не по себе — это значит ничего не сказать! Поначалу мне было непонятно, почему их так много не в зале, где выступал Леонид Ильич, а именно в приёмной. Но ларчик вскоре раскрылся: обедать Брежнев должен в кабинете директора. Вот это настоящий цирк: нам приказали сидеть тихо и не двигаться. КГБэшники встали в цепочку. В кабинет директора пронесли несколько заплombированных баулов из нержавеющей стали. Одного из сотрудников вызвали — попробовать пищу — а вдруг отравлена?! Брежнева я не видела: он зашёл в директорский кабинет с другого входа. Но после обеда нам в приёмную вынесли остатки с барского стола, признаюсь: лимонов такой величины и с такой

тонкой кожурой я не видела ни до, ни после того дня, а печеньё буквально таяло во рту и напоминало нектар...

Но все истории меркнут перед знаменитыми на всю Москву годовыми посиделками в ЦДРИ! Помню, как тщательно готовились к ним! Все стояли на ушах: зам. директора по хозяйственной части Г. М. Давидян отвечал за «доставание» дефицитных и доселе невиданных призов (это в эпоху повального дефицита!). Он отправлял гонцов по городам и весям, даже по отдалённым республикам Союза за чем-то умопомрачительным, способным поразить воображение высоких гостей посиделок... Энгелиса Георгиевна Погорелова с коллегами тем временем ломала головы над придумыванием всевозможных соревнований. А гости! Гости буквально дрались, выцарапывая заветные билеты в ЦДРИ! Популярность этого нашего мероприятия в те далёкие 70-е была феноменальной! Накануне посиделок дирекция ЦДРИ была в замешательстве: билеты сметены в пыль, а от желающих нет отбоя: Ульянову — и тому пришлось отказать! Кто-то обижается, кто-то пытается переметнуться на посиделки к конкурентам — в Дом актёра... А долгожданная дата, между тем, стремительно и неумолимо приближается. Самое интересное, конечно, сидя в уголке, наблюдать за знаменитостями, резвящимися как дети! Здесь никто не отказывался от участия в хулиганских конкурсах: требовалось раздеться — раздевались до трусов — и даже больше! Танцоры

тут пели, певцы участвовали в акробатических композициях, композиторы выступали в роли пародистов, а драматические артисты играли на разных инструментах. И это всё персонажи уровня К. И. Шульженко, М. Магомаева, Р. Я. Плятта или В. П. Марецкой... А правил бал обычно сам Борис Сергеевич Брунов, признанный балагур и шутник — а как иначе мог себя вести истинный одессит?!

Кто-то, помню, придумал конкурс красоты: приволокли два трафарета с вырезанными «идеальными» параметрами фигуры, а гости посиделок по очереди пытались в них уместиться: все буквально падали со смеху! Выиграли конечно же те, кто идеальной фигурой вовсе не отличался... Ну и, естественно, на посиделках безраздельно царил экспромт! Запомнились мне лишь две сочинённые кем-то «на раз» частушки:

Не ходи ко мне в пальто,
Сразу видно, кто есть кто!
А в дублёнке на меху
Сразу видно: ху из ху!

Я милёночка вчера
Пригласила в оперá.
Он сказал: «Сошла с ума!
Сходим лучше в синемá».

...В памяти события, связанные с ЦДРИ, запечатлелись короткими, яркими вспышками. Поначалу думала: как жаль, что не записывала, понадеявшись: забыть эти мгновения не смогу. Но теперь понимаю: кому, кроме моих ровесников и коллег по правлению это всё интересно?! Молодые люди сейчас особо не стараются что-либо запоминать — у них есть гаджеты: в любой момент любую нужную информацию можно добыть хоть из мобильного телефона! И фамилии когда-то знаменитых деятелей искусств им ничего не говорят... Да что там: мои студенты не знают, кто такой Муслим Магомаев, Евгений Евстигнеев, Алла Ларионова... Про Лепешинскую они слыхом не слыхивали, а до Майи Плисецкой им вообще нет дела! Занимаюсь теперь ликбезом... Если не мы, то кто?..